

УДК 81.811.35

Научная статья

DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-1-89-99

EDN: RHIOVZ

**Фразеология с компонентом названий домашних
и диких животных в разноструктурных языках
(на материале карачаево-балкарского и ингушского языков)**

М. З. Улаков^{✉1}, З. Х. Киева², Л. Х. Махиева¹

¹Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

²Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
386001, Россия, г. Магас, ул. Мальсагова, 11

Аннотация. Статья посвящена проблеме национально-культурной специфики фразеологизмов с компонентом названий домашних и диких животных в разноструктурных языках. Сопоставительный анализ карачаево-балкарского и ингушского языков позволяет отразить уникальную способность народа улавливать и фиксировать то или иное сходство, расхождения между человеком и животным миром. В работе выявлены особенности метафорического использования животного мира для характеристики человека. Образ животных помогает создать яркую картину человеческих морально-нравственных качеств носителей исследуемых языков. **Актуальность** исследования определяется необходимостью изучения фразеологических единиц с компонентом названий домашних и диких животных в карачаево-балкарском и ингушском языках с целью выявления общих и специфических признаков, присущих данным языковым культурам. Это особенно актуально для современной лингвистики по причине еще небольшого количества специальных исследований со сравнительно-сопоставительным анализом анималистической коннотации и концептуальной метафоры в разнотипных языках. **Научная новизна** исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов с компонентом названий домашних и диких животных разноструктурных языков с точки зрения их национально-культурной специфики. Статья написана **с целью** провести сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражений, идиом с названиями домашних и диких (хищных) животных на материале карачаево-балкарского и ингушского языков. **Методологической основой** исследования послужили теоретические работы, касающиеся классификации и семантического анализа фразеологизмов, которые представляют собой не только устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, но и единицы ментальной репрезентации. Делается акцент на том, что во фразеологических единицах с названиями домашних и диких животных заложена культурно значимая информация, которая выражается как в денотативном, так и в коннотативном аспектах значения. **Материалом для исследования** послужили фактологический материал из различных лексикографических источников, а также тексты из некоторых жанров фольклора, опубликованные в академических и хрестоматийных научных изданиях.

Ключевые слова: фразеологический фонд, фразеологизм, компонент-зооним, названия домашних и диких животных, животный мир, коннотация, метафора, сравнение, разноструктурные языки, карачаево-балкарский язык, ингушский язык

Поступила 31.01.2025, одобрена после рецензирования 10.02.2025, принята к публикации 12.02.2025

Для цитирования. Улаков М. З., Киева З. Х., Махиева Л. Х. Фразеология с компонентом названий домашних и диких животных в разноструктурных языках (на материале карачаево-балкарского и ингушского языков) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27. № 1. С. 89–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-1-89-99

Phraseology with a component of names of domestic and wild animals in languages of different structure (based on Karachay-Balkar and Ingush languages)

M.Z. Ulakov^{✉1}, Z.Kh. Kieva², L.Kh. Makhieva¹

¹Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

²Ingush Research Institute of Humanities
386001, Russia, Magas, 11 Malsagova street

Abstract. The article is devoted to the problem of national and cultural specificity of phraseological units with the component of names of domestic and wild animals in languages of different structures. Comparative analysis of Karachay-Balkar and Ingush languages allows to reflect the unique ability of people to capture and record particular similarity, divergence between man and animal world. The work reveals features of the metaphorical use of the animal world to characterize man. The image of animals helps to create a vivid picture of human moral qualities of speakers of the studied languages. The relevance of the study is determined by the need to study phraseological units with a component of names of domestic and wild animals in Karachay-Balkar and Ingush languages in order to identify common and specific features inherent in these language cultures. This is especially relevant for modern linguistics due to the small number of special studies with a comparative analysis of animalistic connotation and conceptual metaphor in languages of different systems. **The scientific novelty** of the study is that it is an initial attempt to conduct a comparative analysis of phraseological units with a component of names of domestic and wild animals of languages of different structures from the point of view of their national and cultural specificity. The article is written with the **aim** of conducting a comparative analysis of phraseological units, expressions, idioms with names of domestic and wild (predatory) animals based on the material of Karachay-Balkar and Ingush languages. **The methodological basis** of the study was theoretical works concerning classification and semantic analysis of phraseological units, which are not only fixed expressions with complicated semantics, but also units of mental representation. The emphasis is placed on the fact that phraseological units with names of domestic and wild animals contain culturally significant information, which is expressed both in the denotative and connotative aspects of meaning. **The material for the study** is factual material from various lexicographic sources, as well as texts from some genres of folklore, published in academic and textbook scientific publications.

Keywords: phraseological fund, phraseological unit, zoonym component, names of domestic and wild animals, animal world, connotation, metaphor, comparison, languages of different structures, Karachay-Balkar language, Ingush language

Submitted 31.01.2025,

approved after reviewing 10.02.2025,

accepted for publication 12.02.2025

For citation. Ulakov M.Z., Kieva Z.Kh., Makhieva L.Kh. Phraseology with a component of names of domestic and wild animals in languages of different structure (based on Karachay-Balkar and Ingush languages). *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2025. Vol. 27. No. 1. Pp. 89–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-1-89-99

ВВЕДЕНИЕ

Исследование фразеологического фонда разноструктурных языков с точки зрения выявления универсальных и специфичных образов является одним из важных направлений современной лингвистики. Изучение фразеологических единиц в различных языках способствует яркому описанию языковой образности, причем изучение фразеологизмов в

сопоставительном аспекте дает возможность выявить типичные ассоциации, распознать и описать национально-культурную специфику языка.

Наличие общих и индивидуальных черт в языках является результатом отражения различных аспектов окружающей действительности. Каждый национальный язык отличается от другого собственной картиной мира, отражающейся в структуре языка. Языковая личность создает высказывания, исходя из характера картины мира. Когнитивную модель мира составляют категории, представляющие собой экстралингвистическую реальность в форме содержательных сущностей: понятийные или семантические категории. Как отмечает О. В. Корнилов, «результат работы коллективного сознания зафиксирован в языке и, прежде всего, в его лексическом и фразеологическом составе» [1, с. 23].

Фразеология как часть лексикологии в широком смысле этого слова включает в свой состав языковые единицы, затрагивающие фауну и флору.

С точки зрения В. А. Масловой, фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [2, с. 82]. Безусловно, фразеология каждого языка аккумулирует в себе коллективный опыт, который позволяет исследовать историю и культуру его носителей, а также особенности мышления.

Важность исследования фразеологии в сопоставительном аспекте состоит в том, что фразеология позволяет обнаружить в интравертном мире морально-этические и культурные ценности идиотнического характера [3].

Таким образом, расширяется сфера идиоматичности как одна из сложных сфер функционирования языка, остающаяся актуальной в эволюционном процессе.

Являясь универсальным средством метафоризации, зоонимы представляют собой специфический пласт лексической системы языка и характеризуются яркой национально-культурной спецификой. Образ устойчивого выражения, создаваемый прямым лексическим значением слов исходного сочетания, мотивирует современное значение фразеологической единицы и, безусловно, включает в себе следы прошлых слоев культуры народа, отображает идентичность его представителей. Зооморфные фразеологические единицы каждого языка выступают частью национальной языковой картины мира и непосредственным образом связаны с многовековыми традициями, обычаями и бытом народа, реалиями окружающей действительности, а также с преданиями и историческими фактами.

В этнической культуре разных народов фразеологические сочетания, включающие названия животных, – это в первую очередь высказывания о человеке, его духовных и социальных чертах [4]. В пределах идиоматических сочетаний, семантически обозначающих представителей фауны, свойства которых переносятся на человека, наблюдаются различного рода коннотативные значения, вызванные ассоциативным мышлением. Однако следует отметить, что вследствие этнической самобытности, культурологических особенностей каждого народа, различия языковых картин мира, а также разных литературных источников многие зоонимы содержат такой компонент значения, который понятен только носителям данного языка и культуры.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Названия животных представляют собой природную среду окружающего мира и, будучи связанными с мышлением, культурой, жизнедеятельностью и историей этноса, входят не только в языковую, но и в метафорическую картину мира любого национального языка. Человек часто рассматривает животных через призму зоометафор, имеющих важное значение в становлении языковой картины мира и занимающих значимое место в оценочной антропологии, повышая образность речи и ее выразительность.

Названия животных как номинативные единицы языка «прямо или косвенно, через их культурные коннотации связаны с духовной и материальной культурой народа» [5, с. 313].

Традиционное приписывание животным определенных черт человеческого характера, отраженное в фольклоре с давних пор, находит свое выражение во фразеологическом пласте устойчивых выражений различных языков, претендуя на универсальность. Употребление зоонимов в качестве фразеологического компонента свидетельствует об опыте взаимодействия людей с определенным животным, о впечатлении, производимом на них тем или иным признаком животного, и об отношении к разным фрагментам мира, интерпретируемым с помощью характеристик животного мира.

Как известно, наименования животных в разных языках содержат разные качества и характеристики, вызывают различные ассоциации. Этот факт свидетельствует об индивидуальности образного мышления конкретного народа, что является сложным ассоциативно-психологическим процессом, а также свидетельствует о различиях в ценностном мировоззрении различных этносов.

Названия домашних и диких животных встречаются во всех фольклорных текстах народов Северного Кавказа, а в современных кавказских языках они сохранили свою основу и функционируют с небольшими фонетическими вариантами. Об этом свидетельствуют исследования последних лет различных аспектов названий животных. Наиболее древние значения сохранились во фразеологии, в пословицах, поговорках, загадках.

Основой большинства устойчивых сравнений в разноструктурных языках выступает образ животного, что объяснимо многовековым опытом общения и наблюдения за представителями фауны, ассоциативными связями, возникающими в процессе сопоставления животных и людей. У этих сравнений, с одной стороны, ясна внутренняя форма, с другой – восприятие человеком животных, основанное на жизненном опыте, осложняется мифологическим переосмыслением этих образов: они испытывают влияние национальной культуры, фольклорных текстов и др.

Фразеологический фонд карачаево-балкарского и ингушского языков насчитывает значительную часть устойчивых словосочетаний, которые содержат в своем составе названия животных (зоонимы). «Изучение этой категории фразеологизмов на сегодняшний день имеет важное значение, поскольку зоонимы выражают языковую самобытность и имеются в языках всех народов» [6, с. 280].

Во фразеологическом фонде рассматриваемых разноструктурных языков важное место занимают фразеологические единицы (ФЕ), в которых через образы животных в иносказательной форме характеризуется человек, его физические возможности и качества: сильный, слабый, ленивый, быстрый и др.; внешний облик: толстый, худой, неуклюжий и др.; черты характера: смелый, трусливый, хитрый, жадный, обидчивый и др.; интеллектуальные качества: умный, глупый и др.

Мы выявили особый пласт фразеологизмов, связанных с животным миром, который сформировался на основе устного народного творчества карачаево-балкарского и ингушского языков; природу происхождения данных фразеологических единиц проясняют сами тексты.

В большинстве фразеологических единиц с компонентом, обозначающим домашних и диких животных, встречается тип метафорического переноса, при котором используются названия животных для описания характеристик человека, обозначения его положительных или отрицательных качеств, черт внешности, особенностей характера, умственных способностей.

В сопоставляемых языках функционирует много фразеологизмов, в состав которых входят названия домашних и диких животных, служащие мерилем многих физических, моральных, нравственных и интеллектуальных качеств человека, предметов, понятий, яв-

лений. Наибольшей фразеологической активностью обладают названия домашних животных (собака, конь/лошадь, корова, осел, коза, баран, кошка др.).

С точки зрения семантики фразеологические единицы с компонентом, называющим домашних животных, можно разделить на следующие группы:

1) оценивающие действия человека: ша тІа баьнна етт санна (инг.) (букв. «как корова, вступившая на лед») «неуклюже, неловко»; вир санна (инг.) (букв. «как осел») «упрямо, строптиво»; башына ат урду (кар.-балк.) «он сошёл с ума, совершил очень опрометчивый поступок»;

2) содержащие указание на характер человека: цискии жІали мо мара тарлац (инг.) (букв. «как кошка с собакой») «недружелюбно, неуживчиво»; кЪой ауузундан чѐп юзмеген (кар.-балк.) «тихий, смирный, послушный»;

3) описывающие умственные способности человека: вира хьоа биаб (инг.) (букв. «ослиных мозгов объелся») «о неразумном человеке»; эшек мыйысы ашагъан (кар.-балк.) «умственно ненормальный».

4) содержащие указание на поведение: циск мо хьесталу (инг.) (букв. «как кошка ластится») «нежно, ласково»; кЪадыр кЪылыкълы (кар.-балк.) «упрямый, неуступчивый, строптивый»;

5) описывающие внешний вид человека: вирага нувр санна тов (инг.) (букв. «как ослу седло идет») «нелепо, несладко»; ат ашагъан айыуча (кар.-балк.) «большой»; жарлы юйню киштиги кибик (кар.-балк.) «худой, слабый».

Исходя из данных примеров следует, что особенностью фразеологических единиц, содержащих зоонимы, является то, что их символическое значение построено на основе переносного значения компонентов, их составляющих.

Многовековые наблюдения человека над животными выявили многофункциональность образов представителей животного мира. Один из таких компонентов в ингушском и карачаево-балкарском языках – лексема жІали (инг.), ит (кар.-балк.) «собака» – входит в состав многих фразеологических единиц, таких как: хъаж йоаха жІали (букв. «нюхающая собака») «о человеке, пытающемся что-то узнать, докопаться», дІаккхессача жІалеша а вуаргвоацача (букв. «выкинешь – и собаки не съедят») «о никчемности, негодности», жІале мо валар (букв. «смерть, как у собаки») «о смерти плохого человека», деррига жІалеш тІахеца (букв. «напустить всех собак») «нацелить всех», жІалеш хи тІа кхувлал (букв. «собак на водопой водить») «очень много», жІали мо хъаж йоахаш (букв. «нюхая, как собака») «пытаясь все разузнать», жІали мо меца (букв. «как собака голодный») «чувствующий голод, потребность в еде, несытый», жІали санна Іех (букв. «как собака лает») «выйти из себя» в ингушском языке [7, с. 42].

В восприятии носителей разноструктурных языков большинство фразеологизмов с компонентом жІали (инг.), ит (кар.-балк.) «собака» имеют негативную субъективно-оценочную коннотацию. Данная лексическая единица во фразеологизмах используется, скорее, в отрицательном, насмешливом, шутовском смысле: ит биченнге жатханлай (бир зат бла кеси да хайырланмай, башхаланы да кЪоймагъан адамны юсюнден) (кар.-балк.) «(как) собака на сене»; деннача жІалел башха (инг.) (букв. «не отличаясь от мертвой собаки») «не чувствуя различия»; ёлген итча (кар.-балк.) (букв. «польза как от дохлой собаки») «бесполезный»; жІалеш миссел даьржад (инг.) (букв. «словно собаки развелись») «излишне много»; итле жайылгъанлай жайылгъансыз (кар.-балк.) (букв. «как собаки размножились») «очень много»; жІалех Іеха (инг.) (букв. «по-собачьи выть») «не стоит обращать внимания на сплетни, на слухи, на слова»; ит ылыгъын сына (кар.-балк.) (букв. «по-собачьи выть, ныть») «мучиться, страдать» и др. Сравнение «как собака» в

значении «очень, сильно, слишком» употребляется в исследуемых разносистемных языках с такими негативными состояниями, как злоба, усталость, голод, холод и др.: жІали санна (инг.) (букв. «как собака») «беспорядочно, безразборчиво»; ит кибик айлан (кар.-балк.) (букв. «как собака») «о человеке, не имеющем своего жилья, приюта», жІали мо дорха (инг.) (букв. «как собака злой») «гневно»; ит къапханлай (селешеди) (кар.-балк.) (букв. «как собака злой, свирепый») и др.

В карачаево-балкарском языке «слово ит «собака» сочетается со многими лексемами: ит (жыйын, орун, адам, юрген д.б.) «собачья свора, конура, человек» [8, с. 162].

Данные карачаево-балкарской фразеологии свидетельствуют о сходных культурных коннотациях зоонима «собака», актуализирующего такие семантические признаки, как гнев, агрессия, свирепость и др.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом **циск** (инг.); **киштик** (кар.-балк.) «кот (кошка)». Кошка – красивое своенравное животное, которое живет независимой жизнью, любит уют, домашнее тепло, чистоту. Кошками издавна называли людей скрытных и лживых. Это отношение отразилось и во фразеологических оборотах ингушского языка: циск мо теба (букв. «как кошка вкрадчиво») «осторожно», циск мо хьесталу (букв. «как кошка ластится») «ласково», циска фальг (букв. «кошачья сказка») «небылица», тІоа биа циск мо лалла (букв. «как кошку, съевшую сметану, прогнать»), «удалить, избавиться», цІерага гІийрта циск мерцад (букв. «тянувшаяся к огню кошка опалилась») «не шути с огнем» [9 с. 184].

Проведенный анализ ингушских и карачаево-балкарских фразеологизмов с компонентом *кошка* показывает, что в разноструктурных языках отражаются как сходные культурные коннотации, так и разные характеристики этого зоонима. Например: в карачаево-балкарском языке имеются фразеологизмы ит бла киштикча (жашайдыла) «жить как кошка с собакой» / урушуп, тійюшуп, бир бири бла келишмей (отражает неуживчивость, нетерпимость), жёрмеге жеталмагъан киштикча «старающийся достать недостижимое» и др. В ингушском: жІалии циски мо мара тарлац (букв. «как собака с кошкой уживаются») «неуживчивость, нетерпимость».

Рассматриваемые нами образы домашних животных **жІали** (инг.), ит (кар.-балк.) «собака» и **циск** (инг.), **киштик** (кар.-балк.) «кошка» выделены не случайно, поскольку эти домашние животные всегда играли значительную роль в жизни человека, а их повадки и внешние признаки на протяжении долгого времени служили объектами его наблюдений. Включенные в состав фразеологических единиц компоненты-зоонимы **жІали** (инг.), ит (кар.-балк.) «собака» и **циск** (инг.), **киштик** (кар.-балк.) «кошка» становятся средством характеристики человека и окружающего его мира. Анималистические образы, актуализируясь в значении фразеологических единиц, описывают внешность человека, поведение, качества, перенося на него внешние и внутренние характеристики животного. В основе наименований животных в переносном значении лежат такие компоненты, как образность, экспрессивность и оценочность. Под образностью понимается отражение в переносном значении каждого названия животного признака внешнего или внутреннего сходства, экспрессивность связана с проявлением в переносном значении названия животного степени интенсивности признака. Если обратиться к оценочной составляющей зооморфизмов, то можно выделить две основные оценки: положительную и отрицательную. Причем подавляющее большинство зооморфизмов несут в себе негативную оценку.

«Многие ФЕ употребляются в стилистически сниженной сфере, что зависит от речевой ситуации: ср. жашыртын къапхан ит кибик букв. «как собака, кусающая исподтишка». В процессе речи говорящий не отбирает специально ту или иную фразеологическую еди-

ницу. Отбор происходит по признаку ситуативности, уместности высказывания. Подобные фразеологизмы относятся к просторечной лексике с грубым оттенком» [10, с. 161].

Исторически в жизни карачаевцев, балкарцев и ингушей **лошадь** выполняла разные функции. Лошадь играла важную роль в сельском хозяйстве, поэтому основная часть ФЕ иллюстрирует культурную коннотацию «работоспособность, трудолюбие, усердие».

Лошадь (конь, кобыла, мерин) – одно из самых почитаемых одомашненных животных. В карачаево-балкарском языке **алаша** обозначает «*мерин, лошадь, холощенный жеребец*» [11, с. 118]. Во фразеологизмах исследуемых языков нашли отражение такие качества, как: терпение, выносливость, выдержка лошадей. В целом, оборот характеризует человека, который занимается тяжелой, изнурительной работой, деятельностью, которая требует больших усилий, физических или умственных затрат: колхоза говр мо хехкав (букв. «загнали, как колхозную лошадь, устал, как лошадь») «о человеке, изнуренном работой», говра тIара Ювала (букв. «слезай с коня») «не гони, остановись, успокойся», говра тIа санна (букв. «как на коне») «о высоком человеке» [12, с. 124]. В то же время во фразеологизмах отразилось и переносное значение: говраш тIахаьхкай (*инг.*) (букв. «коней нагнать») «наехать», говро мо чIингаш бе (*инг.*) (букв. «вставать на дыбы, как лошадь») «упрямиться».

Данные карачаево-балкарской фразеологии свидетельствуют о том, что есть сходные и несходные культурные коннотации зоонима **ат** «лошадь/конь», актуализирующие некоторые семантические признаки. Приведем примеры: ат башындан кьараргъа «поверхностно, несерьезно, не обращая должного внимания», ат бергенча кёр (кёрюн) «сильно радоваться» [13, с. 29], акь атха миндирирге (*биреуню сыйын, намысын кётюрюрге, ыспасын чыгъарыргъа*) «оказывать уважение, почитать, чтить кого»; жюгеннге бйсунмагъан ат кибик «как лошадь, не подчиняющаяся узде» и др.

Наряду с зоолексемой **ат** «лошадь» в фольклорных произведениях часто встречается кьадыр «мул». Ср.: нартла жортууулгъа кьадырла бла чыкьдыла «*нарты собрались в поход на мулах*» (фольк.). «В просторечье также существует выражение кьадыр кибик «как мул» (сильный и выносливый). Со словом кьадыр функционируют несколько фразеологизмов: кьадыр кьылыкълы (адам) *перен.* «неуравновешенный, злой, невоспитанный, капризный» (букв. «имеющий привычки мула»)» [14, с. 94].

Анализ ФЕ с компонентом **борз** (*инг.*), **бёрю** *кар.-балк.* «волк-самец». В карачаево-балкарском языке для самки употребляется слово кьанчыкъ (тиши бёрю) «волчица». Вследствие запрета на произнесение его(ее) имени появились эвфемистические номинации табу как «жанлы «имеющий душу», атайтмаз «враг, противник», ёрекъулакь «со стоячими ушами»» [11]. Во фразеологизмах, в пословицах и поговорках, употребляемых для обозначения человека, имплицитруется основная черта этого зверя – агрессивность: борз санна (*инг.*) (букв. «как волк») «злой», бёрю баласы кьой кесер (*кар.-балк.*) «волчонок овцу задерет», жена юкье ийккхача берзо санна (*инг.*) (букв. «как волк, заскочивший в отару») «заставить кого-нибудь панически отступать, разбегаться во все стороны»; бёрю ыстауатха чапханлай (*кар.-балк.*) «в стадо заскочивший, как волк», «заставить кого-нибудь панически отступать, разбегаться во все стороны» и др.

Зоолексема **бёрю** (*кар.-балк.*) «волк» больше всего представлена в фольклорных жанрах. Фольклорист Б. А. Берберов в своем исследовании отмечает, что образ этого хищника «нашел широчайшее отражение и в карачаево-балкарских пословицах и поговорках, вплоть до признания волка важнейшим обитателем лесов» [15, с. 293]. По справедливому замечанию автора, характеристики волка переносятся и на человека.

Например: бёрю атарыкъ бёркюнден белгили «охотник на волка по шапке узнается»; элге – бёрю, юйюне – тели «для села – волк, а для своего дома – дурак».

Употребление данного зоонима в составе фразеологических единиц и паремий свидетельствуют о сходных культурных коннотациях зоонима «волк», актуализирующего такие семантические признаки человека, как бесстрашие, агрессия, сила.

В обеих культурах у зоонима «волк» есть общее коннотативное значение: карачаевцы, балкарцы и ингуши рассматривают волка как символ агрессивности, смелости, боевитости. В фольклорном дискурсе «волк» ассоциируется как с положительными, так и с отрицательными чертами.

Как показал проведенный анализ, активность использования того или иного названия животного во фразеологизмах неодинакова. Чаще компонентами фразеологизмов становились лексемы, называющие домашних животных, например, корова, овца, баран, курица, петух и др., что объясняется их тесным контактом с человеком. Именно их поведение, повадки и привычки легли в основу при формировании значения фразеологизмов. Те дикие животные, с которыми человеку приходилось сталкиваться чаще, также остались как маркеры, характеризующие свойства человека, его поведение, к примеру, волк, медведь, лисица.

Итак, мы приходим к выводу, что наименования домашних животных в составе карачаево-балкарской и ингушской фразеологии передают как их положительные, так и отрицательные характеристики. В балкарской и ингушской фразеологии зоонимы характеризуют человека, метафорически представляя типичные черты людей, их ценности, эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия и состояния, нормы поведения в обществе. Анализ показал, что во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ зафиксированы одни и те же человеческие качества: жестокость, трусость, упрямство, глупость, задиристость, а также трудолюбие, верность, сила, мудрость, ловкость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного нами сопоставительного анализа карачаево-балкарских и ингушских фразеологизмов с названиями домашних и диких животных можно говорить о существовании уникальных подгрупп устойчивых сочетаний в каждом языке, в которых отражаются особенности национальных культур, традиций, быта, обычаев, преданий и исторических фактов. Изучение фразеологических единиц с компонентом, обозначающим диких и домашних животных в разносистемных языках, помогает обнаружить всеобщие и своеобразные свойства образности, определяющие особенности метафорических переносов.

В исследовании выявлено, что наименования домашних животных в составе карачаево-балкарской и ингушской фразеологии передают как их положительные, так и отрицательные характеристики. В устойчивых выражениях зоонимическая лексика характеризует человека, метафорически представляя типичные черты людей, их ценности, эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия и состояния, нормы поведения в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2007. 289 с.

3. Радченко Е. В. Отражение языковой личности русского человека в процессуальных фразеологизмах со значением «психическое состояние лица» // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка: тр. и материалы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.
4. Вишневская Г. М., Федорова Т. В. Особенности коннотаций английских зооморфных фразеологизмов // Педагогический вестник. 2002. № 2.
5. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302–314.
6. Шолина А. А., Смирнова Д. С. Зоонимы в русской языковой картине // Инновационная наука. 2015. Выпуск № 11–1.
7. Києва З. Х. Аспекти інтерпретації компаративних фразеологічних одиниць в інгушському мові // Філологія: наукові дослідження. 2019. № 4. С. 39–43. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.4.30495 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30495
8. Улаков М. З., Абайханова А. А. Типы фразеологизмов, связанных с зоонимией (на материале карачаево-балкарского языка) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 1(51). С. 167–173. EDN: PUYLUT
9. Києва З. Х., Султыгова М. М. Современный ингушский язык. Лексикология и фразеология. ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева». Магас: Кеп, 2017. 238 с.
10. Махиева Л. Х. Синонимичность фразеологических единиц и фразеологическая вариантность (на материале карачаево-балкарского языка) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2009. № 6(32). С. 153–159. EDN: LKORRZ
11. Толковый словарь карачаево-балкарского языка (Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю): в 3-х томах. Т. 1. А – Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1019 с.
12. Патиев С. У. Структурно-семантическая характеристика устойчивых сочетаний ингушского языка. Магас, 2007. 134 с.
13. Башиева С. К., Жарашуева З. К. Школьный фразеологический словарь (на балк. яз.). Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1994. 316 с.
14. Улаков М. З. Лексико-семантическое поле терминов къадыр «мул» и эшек «осел» в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 3(89). С. 93–98. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-3-89-93-98
15. Берберов Б. А. Определение зооморфных образов в карачаево-балкарских пословицах и поговорках с использованием элементов частичного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и Африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 288–306. DOI: 10.21638/spbu13.2023.205

REFERENCES

1. Kornilov O.A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. Moscow: CheRo, 2003. 349 p. (In Russian)
2. Maslova V.A. *Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Flinta, 2007. 289 p. (In Russian)
3. Radchenko E.V. Reflection of the linguistic personality of a Russian person in procedural phraseological units with the meaning of "mental state of a person". *Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'. II Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo*

yazyka [Russian language: historical destinies and modernity. II International Congress of Russian Language Researchers]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2004. (In Russian)

4. Vishnevskaya G.M., Fedorova T.V. Features of connotations of English zoomorphic phraseological units. *Pedagogicheskiy vestnik* [Pedagogical Bulletin]. 2002. No. 2. (In Russian)

5. Telia V.N. Cultural and national connotations of phraseological units (from worldview to worldview). *Slavyanskoye yazykoznanie. Mezhdunarodnyy s"yezd slavistov* [Slavic linguistics. International Congress of Slavists]. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 302–314. (In Russian)

6. Sholina A.A., Smirnova D.S. Zoonyms in the Russian language picture. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science Magazine]. 2015. Issue No. 11–1. (In Russian)

7. Kieva Z.Kh. Aspects of interpretation of comparative phraseological units in the Ingush language. *Philology: scientific research*. 2019. No. 4. Pp. 39–43. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.4.30495. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30495. (In Russian)

8. Ulakov M.Z., Abaykhanova A.A. Types of phraseological units associated with zoonymy (based on the material of the Karachay-Balkar language). *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2013. No. 1(51). Pp. 162–168. EDN: PUYLUT. (In Russian)

9. Kieva Z.Kh., Sultygova M.M. *Sovremennyy ingushskiy yazyk. Leksikologiya i frazeologiya* [Modern Ingush language. Lexicology and phraseology]. GBU “Ingushskiy nauchno-issledovatel'skiy institut gumanitarnykh nauk im. CH. E. Akhriyeva”. Magas: Kep, 2017. 238 p. (In Russian)

10. Makhieva L.Kh. Synonymy of phraseological units and phraseological variability (based on the Karachay-Balkar language). *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2009. No. 6 (32). Pp. 153–159. EDN: LKORRZ. (In Russian)

11. *Tolkovyy slovar' karachayevo-balkarskogo yazyka (K"arachay-malk"ar tilni angylatma sozlyugyu)* [Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language]: In 3 volumes. Vol. 1. A–Zh. Nalchik: El-Fa, 1996. 1019 p. (In Russian)

12. Patiev S.U. *Strukturno-semanticheskaya kharakteristika ustoychivyykh sochetaniy ingushskogo yazyka* [Structural and semantic characteristics of stable combinations of the Ingush language]. Magas, 2007. 134 p. (In Russian)

13. Bashieva S.K., Zharashueva Z.K. *Shkol'nyy frazeologicheskiy slovar' (na balk. yaz.)* [School phraseological dictionary (in the Karachay-Balkar language)]. Nalchik: Izd-vo “El'brus”, 1994. 316 p. (In Kar.-Balkar.)

14. Ulakov M.Z. Lexical and semantic field of the terms kadyr “mule” and eshek “donkey” in the Karachay-Balkar language. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2019. No. 3(89). Pp. 93–98. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-3-89-93-98. (In Russian)

15. Berberov B.A. Definition of zoomorphic images in Karachay-Balkar proverbs and sayings using elements of partial analysis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i Afrikanistika* [Bulletin of the St. Petersburg University of Oriental and African Studies]. 2023. Vol. 15. Issue 2. Pp. 288–306. DOI: 10.21638/spbu13.2023.205. (In Russian)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Финансирование. Исследование проведено без спонсорской поддержки.

Funding. The study was performed without external funding.

Информация об авторах

Улаков Махти Зейтунович, д-р филол. наук, профессор, гл. науч. сотр. сектора карачаево-балкарского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН;

360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18;

maxtti@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5972-8472>, SPIN-код: 2697-4930

Киева Зуфира Хаджибикаровна, д-р филол. наук, зав. отделом ингушского языка, проф. кафедры ПМНО ИнГУ, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук;

386001, Россия, г. Магас, ул. Мальсагова, 11;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0802-8337>, SPIN-код: 5482-8844

Махиева Людмила Хамангериевна, канд. филол. наук, доцент, зам. директора по научной работе, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН;

360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>, SPIN-код: 3779-5112

Information about the authors

Makhti Z. Ulakov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Senior Scientific Researcher of the Department of the Karachay-Balkar Language Sector, Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

maxtti@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5972-8472>, SPIN-код: 2697-4930

Zufira Kh. Kieva, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Ingush language, Professor of PMNO of Ingush State University, Ingush Research Institute of Humanities;

386001, Russia, Magas, 11 Malsagova street;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0802-8337>, SPIN-code: 5482-8844

Lyudmila Kh. Makhieva, Candidate of Philological Sciences, Deputy Director of Research, Leading Researcher of the Karachay-Balkar Language Sector, Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>, SPIN-code: 3779-5112